

FOR THE SPECIFICS OF TRANSLATION AS A PHENOMENON OF INTERCULTURAL COMMUNICATION (ON THE EXAMPLES IN RUSSIAN AND BULGARIAN)

Abstract: The authors of the paper examines the specificity of translation as a phenomenon of intercultural communication based on the understanding of language as a component of culture. This is done in the context of publications on general problems of the intercultural communication.

Author information:

Vladimir Manchev
Chief assistant, PhD
Sofia University St.Klimeht Ohridski
✉ v.manchev@abv.bg
🌐 Bulgaria

Keywords:

translation, intercultural communication

Ekaterina Solnceva-Nakova,
PhD
Sofia University St.Klimeht Ohridski,
✉ solnceva@yahoo.com
🌐 Bulgaria

На протяжении последних лет все больше исследователей проявляет интерес к переводческой деятельности, которая является основным средством межкультурной коммуникации.

Под влиянием концепций межкультурной коммуникации западных ученых К. Гирца, В. Гудикунста, Г. Триандиса, Э. Холла, Г. Хофштеде в 1990-е гг. в науке произошел стремительный рост интереса к исследованию различных проблем межкультурного взаимодействия и диалога культур. Среди публикаций по общим проблемам межкультурной коммуникации следует выделить работы Т. И. Астафуровой, Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, Л. В. Куликовой, О. Л. Леонтович, Ю. Е. Прохорова, Ю. А. Сорокина, И. Л. Стернина, В. П. Фурмановой.

Системный подход в изучении межкультурной коммуникации, включающий в себя психологический, социальный, культурологический, аксиологический и другие аспекты, представлен в работах Н. Л. Лысенко, Ж. Л. Верховской, Л. И. Гришаевой, В. Г. Зинченко, Н. К. Иконниковой, И. В. Наместниковой, Т. Н. Персиковой, В. Е. Черниковой, П. В. Янкиной.

В современной культурологии вопросы динамики культурных изменений и тенденции формирования новых направлений культурной динамики рассмотрены в трудах А. С. Ахизера, К. Х. Делокарова, В. К. Егорова, И. В. Кондакова, Л. Н. Москвичева, А. А. Оганова, Н. А. Хренова.

В настоящее время весьма важный теоретический и методологический вклад в философско-антропологическое и культурологическое исследование проблемы взаимодействия

и взаимопонимания культур вносят российские ученые А. А. Велик, В. В. Кочетков, Н. М. Лебедева, Е. А. Сайко, В. Сикевич, Н. Г. Скворцов, Т. Г. Стефаненко.

Как известно, перевод – это процесс замещения текста на одном языке текстом на другом языке. Разумеется, текст не является простым набором элементов: даже одни и те же (или сходные) слова и выражения могут иметь разные значения, вызывать разные эмоции и ассоциации у носителей двух, пусть даже близких, языков. Поэтому переводить надо, образно выражаясь, дух текста, а не его букву. Переводчик должен уметь видеть второй план (эстетический, исторический, этнокультурный), а не отдельные предложения и слова. В наибольшей степени это относится к художественной литературе. Поэтому при переводе художественного текста столь необходимо быть знакомым как с культурой исходного языка, так и с культурой языка перевода.

Термин „межкультурная коммуникация” был введен американским специалистом в области культурной антропологием Э. Холлом в 1954 г., написавшем в соавторстве с Д. Трагером книгу “Культура как коммуникация”. В то же время он определил межкультурную коммуникацию как особую и перспективную область научных исследований и практического обучения. В сфере лингводидактики впервые определение термина „межкультурная коммуникация” сформулировал академик В. Г. Костомаров: ”адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам” [8, с. 26].

Известный французский языковед Жорж Мунэн еще в 1963. г. отмечал тот факт, что в языке отражаются особенности культуры и истории говорящего на нем народа [15, с. 26]. Своеобразие любого языка отражает в известной мере своеобразие исторических судеб, жизни и быта того народа, который является творцом и носителем этого языка. Иными словами, каждый язык должен рассматриваться не только как продукт – атрибут сознания, но и как феномен культуры. Трудно не согласиться с тем, что в истории каждого народа общее сочетается с особенным, причем и то и другое находит отражение в языке. Следовательно, перевод можно и нужно рассматривать как диалог культур. В процессе перевода необходимо передать культурно-этнические особенности народа, с языка которого мы переводим, особенности его исторического пути и народопсихологии.

Говоря о переводе как о феномене межкультурной коммуникации, представляется необходимым дать определение двух основополагающих понятий – культуры и коммуникации.

Для более ясного представления о сущности такого феномена, как культура, обратимся к словарям. Согласно электронной версии “Краткого философского словаря” культура представляет собой “специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе. В понятии культуры фиксируется как отличие человеческой жизнедеятельности от биологических форм жизни (в этом смысле часто противопоставляется природе), так и качественное своеобразие исторически-конкретных форм этой жизнедеятельности на разл. этапах общественного развития, в рамках определенных эпох, этнических и национальных общностей. Также означает уровень совершенства того или иного умения и др. Понятие культуры часто используется как синонимичное понятию цивилизации, но иногда противопоставляется ему” [17].

В свою очередь коммуникация – это “общение, обмен мыслями, сведениями, идеями и т. д.; передача того или иного содержания от одного сознания (коллективного или индивидуального) к другому посредством знаков, зафиксированных на материальных носителях. Как науч. К., так и К. в др. сферах (напр., в искусстве, литературе, бытовых или производств. отношениях) представляет собой социальный процесс, отражающий обществ. структуру и выполняющий в ней связующую функцию.

Проблема К. получила наиболее развёрнутую разработку в рамках науковедения, где количественно и качественно исследованы такие формы К., как публикация, дискуссия,

интеллектуальное влияние и т. п. Науч. К. представляет собой функциональную подсистему в рамках системы движения науч. информации (общение членов одного коллектива или “невидимых колледжей” для получения нового знания, соавторство, передача добытой информации др. специалистам, популяризация, практич. использование знаний путём их сообщения в инженерно-прикладную сферу). ...” [16].

Трудности, возникающие при осуществлении межкультурной коммуникации в процессе перевода могут быть связаны, например, с передачей топонимов, причем следует особо подчеркнуть, что топонимия, являясь неотъемлемой частью лингвокультурной информации, представляет собой несомненный интерес с точки зрения, как теории, так и практики перевода. Вступая в контакт с другими народами, расселившиеся на обширной территории, славянские племена усваивали наряду с иной лексикой и географические названия. В качестве примера можно привести турцизм *Джендеми*, проникший в болгарский язык в период османского владычества:

“Жени тук, сред *Джендемите* – помисли си той, – и това е добра плячка!” – “Женщины здесь, среди *Джендема* – подумал он. – Чем не добыча?”

[6, с. 210].

В приведенном выше примере передачи болгарского топонима турецкого происхождения *Джендеми*, межкультурная коммуникация едва ли состоялась, так как читателю перевода данная лексема ничего не говорит.

В свою очередь в русском языке бытует определенное количество угро-финских топонимов, таких как *Песь, Насва, Тосно, Валдай*:

“В тех краях продолжается путь,
Где когда-то, беспечно болтая,
Колокольчик – легенда *Валдая*
Волновал утомленную грудь...” [9, с. 195]

Данное обстоятельство можно объяснить активными контактами части восточнославянских племен с финскими племенами.

Специфика языковых единиц, несущих культурную информацию, именно в том и состоит, что они заключают в себе и существенные историко-культурные сведения. Поскольку, несмотря на общность окружающего нас мира, у каждого народа существуют свои специфические предметы быта, традиции, явления истории и культуры для выражения которых, соответственно, нужны особые слова (которые принято называть реалиями) и словосочетания (разложимые и неразложимые). В качестве примера можно привести лексему *квас*, обозначающую национальный русский напиток, аналогов которому нет ни в одной другой стране:

“ – Дай мне *квасу!* – сказал Илья Ильич” [5, с. 73]

Или *березовый сок*:

“...И родина щедро поила меня *березовым соком*” (из песни)

А также болгарское неразложимое сочетание *гюлово масло* (*розовое масло*), известный на весь мир продукт, получаемый из лепестков масленичных роз, являющийся сырьем для парфюмерной промышленности не только Болгарии, но и Франции и других стран:

“ – ...Донесох във вашата Прага малко *гюлово масло* – ей го тука, в дисагите”

“ – ...Привез в вашу Прагу масла розового малостъ... тут оно у меня, в сумках”.

[7, с. 59]

Общеизвестно, что лексема является не только носителем актуального сведения, используемого в повседневном общении, но и обладает способностью аккумулировать информацию историко-культурного плана. Так, например, заметные следы в языках русских и болгар оставило духовное и культурное общение с Византией, причем главным образом это относится к богослужебной и теологической терминологии (нпр.: *акафист, антиминос, икос, ирмос, кондак, дискос, иерей, протоиерей, митрополит, патриарх* и др.). Следует заметить, что

византийское влияние не могло не отразиться и на государственном устройстве Руси, распространившись даже на обрядную и символическую сторону власти:

“На царе были *бармы* и отцовские, – ему едва не по колена, – золотые ризы”

“Царят беша с *барми* и с бациноту си – кажи-речи, до колелете му – златно рухо”

[11, т.1, с. 142]

Не менее судьбоносными, но имевшими уже явно отрицательный характер, были контакты обоих славянских народов с тюркскими племенами. Двухсотлетнее татаро-монгольское иго существенно замедлило процесс культурного и экономического развития Руси. С тех далеких времен в русском языке сохранились слова преимущественно из области военной и бытовой лексики (нпр.: *аркан, колчан, турус, хан, ярлык, арба, сундук* и др.). Вместе с тем в русский язык перешло известное количество пословиц и иных фразеологических единиц. Был создан однако и ряд русских ФЕ, отражающих отношение поработанного народа к завоевателям (нпр.: *как Мамай прошел*, т.е. “ничего нет; все пусто; все разграблено и сожжено”; *мамаево побоище* в значении “ужасный беспорядок; полный разгром”; *Незванный гость хуже татарина* и др.). Подобного рода процессы, имевшие место на той или иной стадии развития языков, обязательно следовало бы учитывать при переводе:

“ – Уйди, *орда!* – и стал наматывать “ – Дръпнете се, *татару!* – и взе да

бархат на свои грязнейшие прелые намотава кадифето на безкрайно

лапы...”

мръсните си вмирисани ходила...”

[12, ч.1, с. 42]

Рассматривая этот вопрос, надо было бы подчеркнуть, что еще более драматичным было пятивековое турецкое иго в Болгарии, его тяжелые последствия сказались во всех областях жизни болгарского народа. Неудивительно поэтому, что в болгарском языке сохранилось множество турцизмов, без которых, практически, невозможно представить себе ни одно произведение художественной литературы, описывающее период турецкого владычества. Аналогичным образом обстоит вопрос и с народным творчеством, а также с такими жанрами литературы, как исторический роман и хроника-описание исторических событий, где для воссоздания колорита эпохи особенно часто используется лексика турецкого происхождения, понятная современному болгарскому читателю, но недоступная без специального перевода или объяснения русскоязычному читателю (нпр.: *кърсердар, заптие, пехливан, донанма, алтън, кушия, конак, бабаит, спахия* и др.):

“Измаил бе казал, че “веднъж жени син”, а това означаваше, че ще вдигне сватба, каквато се полага на човек с неговото положение: с *пехливанлъци, кушии*, награди, с море от шербети и *донанми*”

“Этот Измаил заявил, что у него один сын и что свадьбу он сыграет такую, какая полагается человеку его положения: на ней будут и *скачки*, и *вольная борьба*, и награды победителям, и разлитое море шербета и *разных других напитков*”

[10, с. 117]

“*Бабаитите* престанали много-много да излизат”

“Прежние *удальцы* теперь уже остерегались щеголять своей силой”

[14, с. 137]

“Кърджалийският *спахия* не се вслушал в тия думи, надвзел жито от своите селяни, а сетне го намерили мъртъв, с глава, напъхана в крина, и промушен с кози рог”

“*Спахия* из Кърджали не послушался совета, содрал с крестьян лишнюю подать зерном, а вскорости нашли его мертвым, голова в кадку с зерном засунута, в груди козий рог торчит”

[14, с. 137]

Лексику, связанную с упомянутым историческим периодом, можно обнаружить и в целом ряде ФЕ: “*Турска* сила, българска неволя”, “нападнали като *делибашии*”, “нападнали като *кърджалии*”, “Къде всички *турци*, там и гол *Асан*” и др. [см.: 4, с. 279–283].

Равным образом болгарскому читателю будут непонятны русские реалии, характеризующие период с конца XIV по XVII века (нпр.: *засака, приказ, челобитная, дыба*,

ишиак, ферязь, дьяк, бердыш, Смута и др.). Важно отметить также, что именно период, включающий конец XIV и весь XV век, стал временем возрождения культуры русских земель, жестоко пострадавших от татаро-монгольского нашествия, – восстанавливались города, оживала торговля, росло ремесленное производство, возобновилось создание летописей, появились новые центры летописания. Поистине грандиозным событием в русской культуре описываемой эпохи было возникновение в середине XVI века книгопечатания. Кроме того, в XVI столетии невероятно возросло значение Московского государства как политической силы. Римские папы предпринимали неоднократные попытки договориться с русским правительством о церковной унии (с этим связано появление в русском языке лексем *уния, униат* и *униатский*) и совместной борьбе с Османской империей.

Заметный и трагический след в истории России оставил период начала XVII века, называемый Смутным временем, когда до предела обострились экономические и политические проблемы и страна подверглась опустошительным нападениям польских, шведских, крымско-татарских завоевателей. Неслучайно именно в эту историческую эпоху приобрели широчайшую известность, а позже превратились в прецедентные некоторые имена собственные, такие, как Иван Грозный, Лжедмитрий, Иван Сусанин; знаковыми стали также названия некоторых исторических реалий типа опричнина. Остановимся лишь на нескольких примерах:

“Пеплом зарядить пушку и выстрелить, как прахом *Митьки-лжецаря!*”

“С пепелта му да се зареди топът и да се изстреля като с праха на *Митка-лъжецаря!*”

[12, кн. 2, с. 843–844]

“– Надеюсь, без вашего ведома изобразили здесь эмблему *опричнины?*”

“– Надявам се, че емблемата на *опричнина* е нарисувана тук без вашето знание?”

[13, т. 2, с. 99]

В приведенных выше отрывках (и их переводах на болгарский язык) межкультурная коммуникация явно не состоится, по причине отсутствия у большинства современных болгарских читателей информации о таких исторических фигурах, как Лжедмитрий (Григорий Отрепьев) и таких явлениях, как опричнина.

Итак, рассматривая перевод как феномен межкультурной коммуникации, следует иметь в виду, что перевод представляет собой не простую замену слов и выражений одного языка словами и выражениями другого, а, как справедливо заметила И. С. Алексеева, “перевыражение или перекодирование” [1, с. 5], иными словами, переводчик заменяет один культурный код другим.

Кроме того, перевод – это вид коммуникации, который осуществляется с помощью языка (точнее, двух и более языков), а язык представляет собой продукт культуры, её важную составную часть, а также отображение культурно-национальной ментальности его носителей. Поэтому для успешного осуществления данного процесса необходимо принимать во внимание культурную специфику народа, с языка которого выполняется перевод, ибо в противном случае межкультурной коммуникации не состоится.

В заключение следует отметить, что хотя абсолютно точный перевод, с полной передачей всех смыслов, невозможен, в силу существующих различий между языками и (прежде всего) культурами разных народов, переводчик должен стремиться к тому, чтобы два текста (оригинал и перевод) стали по возможности взаимозаменяемыми.

References:

1. Alekseeva I. S. (2004) *Vvedenie v perevodovedenie: Ucheb. posobie dlya stud. filol. i lingv. fak. vyssh. ucheb. zavedenij.* SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; M.: Akademiya.
2. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. (1990) *Yazyk i kultura.* M., Russkij yazyk, 269 s.
3. Vlahov S., Florin S. (1980) *Neperevodimoe v perevode.* M.
4. Georgieva S. (1998) *Inostrannoe prisutstvie v bolgarskoj i ruskoj frazeologii i paremiologii.* V: *Izuchenie slavyanskih yazykov, literatur i kul'tur v inoslavyanskoj srede.* Belgrad,.
5. Goncharov I. A. Oblomov. (1979) *Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.* L.

6. Jovkov Jordan, (1979) *Izbrannoe. Moskva. "Hudozhestvennaya literatura"*, per. M. Mihelevich, B. Rostova, T. Kolevoj, G. CHERnejko, D. Gorbova, N. SHESTakova i dr.
7. Konstantinov Aleko. (1984) *Baj Ganyu. Do Chikago i obratno*. Sofiya: "Svyat", per. D. Gorbova, T. Kolevoj.
8. Kostomarov V. G. (1999) *Yazykovej vkus ehpoi. Iz nablyudenij nad rechevoj praktikoj mass-media*. Sankt-Peterburg.
9. Kunyaev S. Yu. (1988) *Mat syra zemlya. Stihi*. Moskva. "Sovetskij pisatel".
10. Petrov Ivajlo, (1987) *Izbrannoe. Moskva. "Raduga"*, per. V. Erunova, V. Polyanovoj, T. Kolevoj, Z. Angelovoj, V. Sushkova, L. Hitrovij, M. Roya.
11. Tolstoj A. N. (1974) *"Petr Pervi"*. Sofia. "Narodna kultura", per. S. Florina.
12. Shishkov V. Ya. (1976) *Ugryum-reka*. Moskva. "Progress", Sofiya. "Narodna kultura", per. B. Misirkova i P. Velkova.
13. Sholohov M. Tihyat Don. (1963) *S"brani s"chineniya v 8 toma*. Sofiya. "Narodna kultura", per. G. Zhecheva.
14. Hajtov N. (1972) *Dikie rasskazy*. Moskva: "Progress", per. M. Mihelevich, M. Tarasovoj, O. Kutasovoj.
15. Mounin G. (1963) *Les problèmes thcorctiqus de la traduction / G. Mounin*. Paris : Gallimard, P. 138.)
16. *Filosofskij ehnciklopedicheski slovar'*. M.: Sovetskaya ehnciklopediya. Gl. redakciya: L. F. Ilichyov, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalyov, V. G. Panov. 1983. Cit. po: URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/543/KOMMUNIKACIYA
17. URL:<http://phenomen.ru/public/dictionary.php?article=400>